

Примечания

- ¹ *Stubbs W.* The constitutional history of England in its origin and development. Vol. 3. Oxford, 1906. P. 314.
- ² *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному. М., 1906. Т. 1. Глава 5; Он же. История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912. С. 72–73.
- ³ *Кузнецов К.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII вв.). Владивосток, 1913. С. 12.
- ⁴ *Chrimes S.B.* English constitutional ideas in the fifteenth century. Cambridge, 1936. P. 250–251.
- ⁵ *Ibid.* P. XIX.
- ⁶ *Каменецкий Б.А.* Социально-политические идеи Джона Фортеस्कью: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961. С. 5, 14–15.
- ⁷ Он же. Джон Фортеस्कью и его роль в формировании буржуазной культуры Англии // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 5. С. 110–122.
- ⁸ *Myers A.R.* England in the later middle ages. Harmondsworth, 1966. P. 220.
- ⁹ *Jolliffe J.E.A.* The constitutional history of England. L., 1937. P. 494.
- ¹⁰ *Litzen V.* A War of the Roses and Lilies. Helsinki, 1971.
- ¹¹ *Lander J.R.* Government and Community. England 1450–1509. Cambridge, 1980. P. 42, 264; The wars of the Roses. L., 1974. P. 302.
- ¹² *Watts J.* Henry VI. Cambridge, 1999. P. 46–50.
- ¹³ Он не разрабатывает творчество Фортеस्कью специально, но из-за специфики изучения истории Англии XVI–XVII вв. не придерживается тактики «пройти мимо»: *Федоров С.Е.* Пуританизм и общество в стюартовской Англии // <http://biblus.ru/default.aspx2/1b2c0677h1>
- ¹⁴ *Carpenter C.* The wars of the Roses. Cambridge, 1999. P. 247.
- ¹⁵ *Gillingham J.* The war of the Roses. L., 2001. P. 148, 207.
- ¹⁶ *Black A.* Political thought in Europe. 1250–1450. Cambridge, 2000. P.137, 168.

Н.Н. АГЕЕВА

**Взгляды М.И. Ростовцева на проблему исторического
развития юга России в контексте взаимодействия
западной и восточной цивилизаций**

М.И. Ростовцев одним из первых в отечественной историографии поставил вопрос о необходимости рассматривать историю России как часть всемирно-исторического процесса, в тесной связи с древними народами, проживавшими на ее территории до расселения здесь славян. Интерес ученого к этой проблеме возник в связи с его изучением южнорусских древностей и стремлением выстроить целостную концепцию развития юга России в античный период. На наш взгляд, юг России привлекал М.И. Ростовцева не столько обилием необработанного античного материала, сколько своим положением на периферии античного мира, где тесно переплелись две культуры – варварская и греко-римская. К теме взаимодействия восточной и западной цивилизаций ученый в своих работах обращался достаточно часто. Эта проблема являлась ключевой и в его фундаментальном труде «The Social and Economic History of the Hellenistic World» (1941), и при археологических исследованиях Дура-Европос. Что касается юга России, то М.И. Ростовцева чрезвычайно занимала еще и проблема влияния проживавших здесь древних народов на последующее развитие этого региона и соответственно становление русской государственности. Концепция исторического развития юга России в античный период в общих чертах была изложена им в монографии «Эллинизм и иранство на юге России» (1918), написанной в форме научно-популярного очерка. Формирование этой концепции и детализацию ее отдельных положений можно проследить и по другим многочисленным статьям и книгам ученого,

посвященных югу России. Занимаясь преимущественно источниковедческими изысканиями, М.И. Ростовцев тем не менее в каждом частном сюжете стремился выявить общие тенденции развития этого региона в древнейший период.

Под «югом России» М.И. Ростовцев рассматривал не только территорию Северного и Северо-Восточного Причерноморья, но и широко раскинувшиеся степи от Дуная вплоть до предгорий Урала. Ученый полагал, что только в таких широких географических рамках можно проследить эволюцию развития юга России¹. Южнорусские степи, тесно связанные с морем, перерезанные рядом могучих рек, каждая с широко развитой системой притоков (Днепр, Буг, Днепр, Дон, Волга), между Черным и Каспийским морями подходят к Кавказскому горному хребту; на западе они тесно связываются с могучим Дунаем и его бассейном; на востоке сближаются с предгорьями Урала и сливаются с прикаспийскими, приаральскими и южносибирскими степями; на севере они составляют неразрывное целое со всей центральной и северной Россией. «Этим область южнорусских степей поставлена была в ближайшую связь с рядом важнейших центров культурного развития древнего мира. Она была, прежде всего, естественным продолжением могучего иранского культурного мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии»². М.И. Ростовцев полагал, что степи юга России сыграли в культурно-историческом развитии человечества немаловажную роль: они стали ареной взаимодействия нескольких мощных культурных волн (прежде всего иранской и греческой) и не только приобрели неповторимый культурный облик, но и оказали влияние на развитие европейской цивилизации и определили становление русской государственности.

Обращаясь к вопросу о происхождении русского государства, М.И. Ростовцев выделял основную на его взгляд проблему – необходимость выявления источников, из которых «выросла» Киевская Русь. «В IX в., когда русские летописи начинают сообщать нам данные о русских князьях и русском народе, Россия предстает перед нами в совершенно готовом, сформированном виде, с особым политическим, экономическим, социальным и культурным укладом... В истории образования Русского государства все своеобразно: и исключительно торговый характер городов и их населения, и широкий размах этой торговли..., и резкая разница между развитием строя города-государства и примитивным племенным укладом городских славян, между доисторическим бытом племен и высокой культурой городов, и, наконец, сам способ правления – комбинация чужой военной власти и внутреннего городского самоуправления»³. Объяснить эту уникальность, по мнению ученого, можно лишь, рассматривая историю России с всемирно-исторической точки зрения, т. е. не трактовать ее исключительно как историю русского племени, изолированно от истории цивилизованного мира эпохи греко-римской цивилизации и переселения народов, частью которого в это время была и Россия (преимущественно южная).

Стремясь выстроить целостную концепцию исторического развития южнороссийского региона, М.И. Ростовцев прослеживает его развитие с эпохи неолита, когда здесь появляется постоянное население, о постепенном изменении уклада жизни которого свидетельствуют характер изученных погребений. Начиная с эпохи медного века здесь ощущается сильнейшее влияние восточной переднеазиатской и средиземноморской цивилизаций, что приводит к постепенному переходу

жителей Приднепровья и Прикубанья от кочевого к оседлому образу жизни и возникновению первых укрепленных поселений на берегах Днепра, Дона и Кубани. В эту же эпоху впервые налаживаются великие торговые пути, идущие через Россию: караванный путь с Востока к берегам Азовского моря, морской путь с берегов Черного моря в Средиземное, к островам Эгейского моря и к побережью Малой Азии и речной северный путь к Балтийскому морю. Укрепляются эти пути, как и цивилизованная жизнь на юге России преимущественно в первом тысячелетии до н. э.

Последовательное существование на северном побережье Черного моря двух больших государств – киммерийско-фракийского в X–VIII вв. до н. э. и скифского в VIII–III вв. до н. э. с сравнительно прочным государственным строем привлекает на берега Черного моря греков, что способствует установлению достаточно тесных связей с бассейном Эгейского моря. Влияние скифского государства на развитие территории южной России было огромным. Скифы сумели объединить под своей властью большинство племен между Волгой и Дунаем, обеспечив им возможность мирного экономического развития и сбыт продуктов их экономической деятельности в неограниченных количествах через посредство греческих колоний на берегах Черного моря. Зерно, рыба и кожи, производимые частью оседлым, частью кочевым населением юга России, сплавлялись по рекам и экспортировались в Грецию. По тем же рекам из центральной и северной России шли на юг меха, воск и мед, продукты охотничьей жизни финских племен. К греческим же колониям и специально к устью Дона и Кубани среднеазиатский торговый путь доставлял на караванах продукты азиатского Востока.

Результатом этого более чем четырехвекового существования прочного скифского государства на берегах Черного моря было то, что культурная жизнь, основанная главным образом на торговле, пышно расцвела по всей южной России и двигалась все дальше и дальше на север. Археологические исследования Приднепровья и Придонья показали, что не только в низовьях рек, где царили греки, но и в среднем их течении старые доисторические поселения развились в большие укрепленные города, причем сосредоточились они преимущественно там, где позднее были центры Киевской Руси⁴.

М.И. Ростовцев категорически отвергал сложившееся в исторической науке XIX – начале XX вв. мнение о варварстве скифов и сарматов: «Варварами были скифы и сарматы только в том смысле, в каком варварами были для греков и египтяне, и ассирийцы, и Вавилон, и Персия; не варвары, а люди другой, неоднородной с греками культуры»⁵.

Контакты греков и скифов в Северном Причерноморье демонстрируют один из ярких примеров взаимодействия античной цивилизации и варварского окружения на периферии ойкумены. Эти связи не ограничивались взаимовыгодными торговыми отношениями, а способствовали созданию уникальной культуры, вобравшей в себя как греческую, так и иранскую основу. Так, курганные погребения скифской знати дают большое количество предметов роскоши, вооружение, выполненные греческими мастерами, явно на заказ. Анализируя находки из знаменитого кургана Солоха, подлинные шедевры греческого искусства, М.И. Ростовцев отмечал: «Эти чудные вещи дают нам представление о силе и богатстве скифов, об их любви к блеску и красоте, об их понимании высокой силы греческого творчества и, наряду с этим, об их крепкой приверженности к своим обычаям,

своим привычкам, своей религии. Не огречились скифы, а только облагородили греческой культурой свой быт и свои вкусы»⁶.

Эти тенденции тесного взаимовлияния иранских и греческих элементов получили свое развитие и в дальнейшем, что способствовало созданию здесь уникальной культурной среды.

Ослабление скифского государства начинается в IV в. до н. э. и сопровождается усилением в северном Причерноморье ряда держав, превратившихся из вассалов Скифии в сильных соперников – Херсонеса и Боспора. Серьезный удар был нанесен скифам Македонским царством (особенно в период правления Филиппа и Александра). Усиливается и натиск с востока сарматов, которые постепенно сменили скифов в степях юга России. Сарматы не смогли создать такого же централизованного государства как скифы, а остались раздробленными на ряд племен, двигавшихся на запад, где столкнулись с римской державой. Однако им удалось, в отличие от скифов, достаточно глубоко проникнуть в Западную Европу, неся с собой свою культуру, повлияв в определенной степени на формирование нового художественного стиля.

С ослаблением Скифии лидирующее положение в Северном Причерноморье переходит к Боспорской державе. Пантикапей, являясь естественным центром для остановки и перегрузки товаров, шедших из Азовского моря в Черное, занимал очень выгодное географическое положение. В отличие от других греческих колоний здесь устанавливается сильная централизованная власть по форме, не имеющая аналогов в античном мире.

Первоначально в культуре Боспора (особенно среди городского населения) преобладали греческие элементы, но со временем все сильнее начинало сказываться влияние окружающего иранского мира. Проникновение восточных элементов происходило не только в культуре, но и во всем укладе жизни. Постепенно Боспорское царство становилось все больше и больше похоже на своих скифских предшественников. Хотя официальный язык оставался греческим, условия жизни изменились и стали подобны распространенным в соседних полуиранских странах. Надписи, письменные источники и настенная живопись в гробницах римского времени показывают, что Боспорское царство превратилось в своеобразную феодальную монархию. Оно имело армию всадников, вооруженную и организованную подобно войску соседей-сарматов. В нем были обширные поместья, принадлежащие храмам и аристократии, населенные и обрабатываемые местными жителями, прикрепленными к земле. От старой двойственности власти не осталось и следа – укрепился неограниченный абсолютизм. Боспорские цари принимают титул «царя царей», подчеркивающий их связь с иранским миром. Особенно ярко сказывается иранизация на вооружении и костюме боспорцев. Города, основанные здесь когда-то греками, теряют свой прежний облик. Однако и в этот период городское население, несмотря на сильнейшее проникновение иранских и других местных элементов в состав горожан, несмотря на сильную иранизацию всего быта и уклада жизни, по-прежнему считало себя греками и резко выделяло себя из остальной массы населения царства⁷.

Смена скифов сарматами на степных просторах юга России почти не изменила здесь уклада жизни, поменялся только состав господствующего класса, и торговые отношения стали несколько менее безопасными и регулярными. Но такая смена сильной державы слабыми отдельными племенами имела большое историческое

значение. Она открыла доступ в Россию племенам Центральной Европы – кельтам и германцам. Первые только заделали Россию и прошли дальше на Балканский полуостров и в Малую Азию, неся с собой грабеж и разрушения. Но последовавшие за ними германцы, остановленные римлянами на линии Рейна и Дуная, начинают постепенно продвигаться по Днепру, этому старому торговому пути, на юг, занимая одну область за другой. Однако и германские завоеватели не смогли в корне изменить жизнь Приднепровья. Их погребения беднее скифских и сарматских, но и они полны продуктами классического античного ремесла, встречаются здесь и римские монеты, что неудивительно, т. к. германские племена и у себя на родине торговали с римлянами и успели привыкнуть к денежному обмену. Поэтому клады римских монет по великому водному пути из Балтики в Черное море, относящихся к первым векам н. э., вполне обычное явление.

М.И. Ростовцев подчеркивал преемственность в развитии, характерную и для этой эпохи. Германцы унаследовали от предшественников (скифов и сарматов) их торговлю, усилив при этом торговые отношения с севером и северо-востоком и приучив всю Скандинавию и Северную Германию пользоваться Днепровским путем. «Нет никакого основания думать, что германцы разрушили городскую жизнь на Днепре. Для них города нужны были не менее, чем для их предшественников. Наоборот... при них, специально на севере, возникли новые городские центры, новые узлы обмена, к которым может быть относится и Новгород»⁸. Это постепенное на протяжении нескольких веков просачивание германских племен на территорию России объясняет и нашествие готов III в. н. э., когда они дошли до Черного моря и сумели постепенно объединить в одно государство все германские племена в России, а также частью разрушить, частью сделать от себя зависимыми греческие города Черноморского побережья.

Однако германцы не закрепились на этой территории надолго, их больше привлекала Римская империя, обороноспособность которой ослабевала, особенно на дунайских границах. Толчком же для их продвижения на запад стало появление новых завоевателей – гуннов. Их нашествие привело в движение весь варварский мир и вытолкнуло с территории России основную часть германских и иранских племен. За ними через некоторое время последовали и сами гунны. Только местами удержались здесь остатки прежних народов: готы – в Крыму, аланы – на Кубани, гунны – в степях между Волгой и Днестром. «Киевская область осталась без хозяев. Но новые хозяева появились очень скоро. В ближайшем соседстве с германцами на северном склоне Карпат и на Висле издавна жили знакомые уже Птолемию венеты, склавены и анты, несомненно, родоначальники русских и балканских славян. Они входили в одно время в состав Готского государства, но на запад с готами не пошли. Как в свое время германцы, они заняли в V–VI вв. Днепровскую область и проникали все дальше и дальше на юг». Таким образом, на месте германского в южной России сложилось славянское господство, и старые пути мировой торговли оказались в их руках.

Славяне унаследовали от своих предшественников и весь уклад их жизни, заняли, смешавшись с их остатками, и приднепровские города, осели и в северных торговых центрах. В период закрепления на этой территории славянам пришлось столкнуться с серьезной угрозой – нашествием аваров, однако, они сумели отразить ее. Славяне прочно обосновались на Днепре и продвинулись далеко на север и юг. Постепенно (к VII–VIII вв.) вновь укрепились старые торговые пути, вновь

расцвела торговля с арабским востоком, с германским севером, с византийским югом. И эта торговля дала России ее культуру и ее государственность. И то, и другое сложилось в старых городах на Днепре, унаследованных славянами от их иранских и германских предшественников. «История не знает перерывов, нет их и в истории России. Славянская эпоха есть только эпоха в ее истории. Но славянской расе суждено было осуществить то, чего не могли и не хотели сделать их предшественники: навсегда связать себя со страной, ее государственным и культурным развитием»⁹.

Таким образом, важным фактором, определяющим, по мнению М.И. Ростовцева, развитие южнороссийского региона в древности была торговля, которая во многом позволила сохранить преемственность между разными народами, населявшими эти районы. Вторая особенность, которую М.И. Ростовцев неизменно выделял при характеристике развития юга России в древности – это тесное переплетение двух культур – «иранизма и ионизма», взаимовлияние которых создало неповторимый культурный облик этой территории. Именно эти тенденции определяли и особенности становления здесь древнерусского государства, которое неминуемо должно было испытать на себе влияние предшествующей эпохи.

Примечания

¹ Ростовцев М.И. Рецензия на труд Е.Н. Minns «Scythians and Greeks» // ЖМНП. 1913. Октябрь–ноябрь. Отд II. С. 177.

² Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. М.: Книжная находка, 2002. С. 11.

³ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси // Современные записки. 1921. № 3. С. 144.

⁴ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси. С. 146.

⁵ Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд. Пг., 1914. С. 9.

⁶ Ростовцев М.И. Курган «Солоха» // Ежемесячный журнал. 1914. № 4. С. 76.

⁷ Ростовцев М.И. Иранизм и ионизм на юге России // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 19.

⁸ Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. С. 21.

⁹ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси. С. 149.

В.Н. ЕРОХИН

СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЯХ В ЦЕРКВИ АНГЛИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА

Изучение религиозной истории Англии первых десятилетий XVII века в современной британской историографии остается объектом внимания значительного числа исследователей. Религиозные проблемы в Англии этого времени были тесно связаны с политической историей страны. Мировоззрение англичан в XVI–XVII веках было таково, что самые разнообразные вопросы общественной жизни осмысливались при значительном влиянии религиозных понятий, образности и символики. В происхождении Английской революции середины XVII века также прослеживается заметное влияние религиозного фактора, что было отмечено уже современниками событий, и продолжает активно обсуждаться ныне работающими историками.

В 1970–80-е годы в изучении английской истории предреволюционных десятилетий заметным явлением стала научная деятельность представителей так называемого ревизионистского направления. В изучении причин гражданской войны и революции ревизионисты стали оспаривать существование долговременных